

УДК 165.431

DOI: 10.17223/1998863X/53/2

М.В. Петренко

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТИНЫ КАК ОНТОЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья содержит подробное описание и анализ эмпирической теории истины, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в качестве онтоэпистемологического основания для когнитивной теории метафоры. На основе проделанного анализа дается оценка перспективности применения рассматриваемой теории истины.

Ключевые слова: метафора, теория истины, онтоэпистемологические основания, когнитивистика.

В своей книге «*METAPHORS We Live By*», вышедшей в 1980 г., Джордж Лакофф и Марк Джонсон представили уникальный для того времени взгляд на феномен метафоры. Они одними из первых предположили, что метафора – не «инструмент поэтического воображения», но базовая категория человеческого мышления, таким образом значительно повысив теоретическую значимость метафоры для исследователей, занимающихся лингвокогнитивной проблематикой. Книга вызвала большой резонанс, так как доступным образом смогла продемонстрировать возможность существования отличной от считавшейся на тот момент классической интерпретации когнитивных процессов, присущих людям, в частности процесса категоризации. Причем подобная интерпретация находила подтверждение в опыте использования естественного языка. Вместе с теорией когнитивной метафоры, в рамках которой имплицитно содержится и метод анализа информации, получаемой при изучении метафор, авторы предложили собственную теорию истины, которую назвали эмпирической. Положения данной теории Дж. Лакофф и М. Джонсон считали основой для осуществления анализа метафор естественного языка.

На данный момент теория когнитивной метафоры является одной из наиболее востребованных в рамках научного сообщества, изучающего метафорику. Она не только получила большое количество последователей, но и послужила основой для других теорий (дескрипторная теория метафоры, теория метафорического моделирования, теория концептуальной интеграции и др.). «Специалистами по когнитивной лингвистике она (книга „*METAPHORS We Live By*“) была признана библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюровского „Курса общей лингвистики“ для когнитивизма лингвистического извода» [1. С. 11]. Однако, несмотря на проявленный многими исследователями интерес к методологической и концептуальной составляющим когнитивной теории метафоры, до сих пор практически не отрефлексированными остались ее онтоэпистемологические основания. Как правило, авторы, обращающиеся к данной теории, попросту игнорируют часть исследования, посвященную разработке теории истины, которая, по

мысли создателей теории когнитивной метафоры, с необходимостью должна быть учтена. Данное условие прежде всего связано с изменением понимания сущности метафоры, которая из образного языкового выражения превратилась в «важнейшее средство понимания и конструирования социальной и политической реальности». Соответственно, понадобилась и такая теория истины, которая бы позволяла рассматривать метафоры в качестве возможных средств получения истинного знания. В данной работе мы в числе первых проанализируем содержание эмпирической теории истины, которая должна была закрепить за метафорами статус полноценных участников познавательного процесса.

Основное положение эмпирической теории истины звучит следующим образом: «Мы понимаем утверждение как истинное в данной ситуации тогда, когда с точки зрения наших целей понимание утверждения достаточно точно совпадает с пониманием ситуации» [2. С. 204]. То есть критерием истинности того или иного утверждения провозглашается соответствие понимания высказывания пониманию ситуации, соотношенное с целеполаганием субъекта познавательной активности, из чего мы делаем вывод о том, что во главу угла ставится человек, человек провозглашается и носителем, и критерием истинности. Данная логика рассуждений вызывает в памяти известную цитату Протагора: «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют» [3. 152a], – отсылая нас к классическому релятивизму. При дальнейшем изучении работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона данная ассоциация лишь усиливается. Авторы эмпирической теории истины говорят о наличии множества относительных истин, связанных со спецификой познавательного субъекта и особенностями контекста, в котором осуществляются познавательные процессы. По их мнению, современное общество подвержено влиянию мифа объективизма, утверждающего существование абсолютной истины. Дж. Лакофф и М. Джонсон считают примат идеи об абсолютной истине не только ошибочным, но и опасным: «В культуре, которой присущ миф объективизма и в которой истина всегда абсолютна, определение того, что считать абсолютно или относительно истинным, зависит от людей, навязывающих свои метафоры культуре. Именно по этой причине нам кажется важным дать представление об истине, свободное от мифа объективизма...» [2. С. 187].

В качестве одного из основных познавательных механизмов в рамках эмпирической теории истины выделяется проецирование. Дж. Лакофф и М. Джонсон предполагают, что мы не выявляем внутренне присущие предметам свойства, а проецируем на них признаки, продуцируемые в рамках нашего личного и социального опыта. Такие признаки называются интерактивными (обретающими смысл исключительно в рамках человеческой деятельности) и разнятся от культуры к культуре. Также в качестве познавательного механизма выделяется процесс категоризации, который авторы эмпирической теории истины представляют в качестве выбора того или иного измерения, в рамках которого будет рассматриваться интересующий человека феномен. Разные измерения (перцептивное, функциональное, целевое и т.д.) акцентируют внимание на различных признаках изучаемого объекта. В качестве примеров описанных механизмов предлагается рассмотреть категории цели, отношения, причины, по-разному интерпретируемые в различных языках и в различных ситуациях. «...Поскольку понимание всегда частично, у

нас нет доступа ко „всей истине“ или какому бы то ни было точному представлению о реальности» [2. С. 205].

Соответственно, понимание, являющееся базовой категорией описываемой теории и критерием истинности высказываний, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, всегда неполно и субъективно, зависит от конкретной ситуации, в которой находится в тот или иной момент времени познающий субъект, и от его (субъекта) познавательных установок. «Язык – это лабиринт путей. Ты подходишь с одной стороны и знаешь, где выход; подойдя же к тому самому месту с другой стороны, ты уже не знаешь выхода» [4. С. 203]. Ключевыми условиями возникновения понимания авторы «*METAPHORS We Live By*» считают согласованность изучаемой сущности с общей понятийной системой актора и обоснование утверждений эмпирическим опытом.

Эмпирическая теория истины замышлялась как сочетание элементов уже ставших классическими теорий истины, а именно корреспондентной, когерентистской, прагматической, элементов некоторых направленных на изучение гносеологической проблематики философских учений – феноменологии, учения позднего Витгенштейна, а также элементов классического реализма. Далее нам бы хотелось проанализировать, удалось ли Дж. Лакоффу и М. Джонсону создать подобную коллаборацию и насколько успешной с позиции применимости она оказалась.

На первый взгляд, перечисленные выше направления мысли кажутся абсолютно несочетаемыми. В связи с этим представляется разумным прояснить, какие именно их части и в каком качестве были заимствованы для формирования эмпирической теории истины.

Заимствования из корреспондентной теории истины.

Корреспондентная теория понимает истину как соответствие высказывания некоторому объективному положению вещей в мире. Дж. Лакофф и М. Джонсон берут из данной теории идею истины как соответствия, однако изменяют компоненты этого соответствия, считая принципиально важным момент понимания и интерпретации каждого конкретного высказывания и каждой соотносящейся с тем или иным высказыванием ситуации. По мнению авторов эмпирической теории истины, корреспондентная теория страдает упрощенчеством, не учитывает роль понимания в процессе познания. Соответственно, мы можем говорить о том, что для создания эмпирической теории из корреспондентной был позаимствован чисто формальный момент – понимание истины как двуместного отношения.

Заимствования из когерентистской теории истины.

Данная теория подарила эмпирической теории идею о зависимости восприятия того или иного высказывания как истинного от его согласованности с понятийной системой познающего субъекта. Только в рамках эмпирической теории истины данную идею усложнили следующим образом: истина напрямую зависит от понимания, а понимание какой-либо сущности всегда требует ее согласования с уже имеющейся у индивида понятийной системой; «следовательно, истина всегда будет частично зависеть от согласованности понятий» [2. С. 205].

Заимствования из прагматической теории истины.

Из прагматической теории истины была взята идея о связи истины и опыта. Обосновывается она примерно тем же способом, что и идея связи ис-

тины и имеющейся у индивида понятийной системы. Истина зависит от понимания, а понимание обретается в процессе успешной деятельности индивида в рамках определенного материального и культурного окружения. Также высказывается мысль о наличии причинно-следственной связи между процессами успешной деятельности индивида в обществе и формирования его понятийной системы. Таким образом, можно говорить о выстраивании некоторой последовательности из заимствований – опыт обеспечивает создание понятийной системы индивида, согласованность с которой является критерием достижения понимания, которое, в свою очередь, есть критерий истинности высказываний.

Данное заимствование порождает вопрос о том, что же все-таки важнее для обретения истины – физический, культурный и социальный контексты или субъективная интерпретация? Нам не удалось найти каких-либо пояснений на этот счет.

Заимствования из феноменологии и работ позднего Витгенштейна.

Из феноменологической традиции были взяты «отказ от эпистемологического фундаментализма, подчеркивание центральной роли тела в структурировании опыта и важность этой структуры для процесса понимания» [2. С. 206]. Из философии позднего Витгенштейна – «представление о категоризации как о „семейном сходстве“, отрицание рисуночной теории значения, отрицание компонентной теории значения и упор на зависимость значения от контекста и от нашей собственной понятийной системы» [2. С. 206]. Авторы эмпирической теории предполагают, что данные характеристики с необходимостью следуют из всего вышеописанного, однако, на наш взгляд, имеет место лишь частичная корреляция.

Также Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут о *заимствованиях из классического реализма*. Так, они признают наличие объективной реальности (физической, культурной), но дополнительно вводят понятие субъективной реальности, устанавливая прямое отношение между понятиями и свойствами вещей (правда, говорят, что такое отношение имеет место лишь с интерактивными свойствами). Однако данный пункт порождает больше вопросов, чем ответов. Например, зачем в случае обращения к реализму в целом нужно было отдельно писать о корреляции с корреспондентной теорией истины? Зачем был введен новый критерий истины (соответствие понятий интерактивным свойствам вещей, см. выше: критерий истины высказывания – соответствие понимания высказывания пониманию ситуации) и какой из них считать верным в рамках эмпирической теории? Можно ли сказать, что для разных форм мысли действуют различные критерии истинности (в одном случае мы говорим о суждениях, в другом – о понятиях)?

Если из корреспондентной теории истины авторы «*METAPHORS We Live By*» позаимствовали лишь формальную структуру, то из реализма в целом они попытались взять содержательные моменты, что, на наш взгляд, при условии отрицания существования абсолютной истины выглядит абсурдно и порождает внутренние противоречия.

Итак, подробно охарактеризовав эмпирическую теорию истины и разобравшись со спецификой заимствований, мы можем сделать ряд заключений относительно сущности рассматриваемой теории.

Данная теория:

- признает существование объективной реальности, однако не считает возможным познать ее в ее целостности;
- постулирует множество относительных истин, зависящих от специфики контекста и субъекта познания;
- называет главным критерием истинности высказываний понимание, обеспечиваемое при помощи проверок опытом и согласованностью с общей понятийной системой индивида.

Проанализировав представленные пункты, мы можем сделать вывод о том, что упоминание Протагора в начале статьи было вполне оправданным: разбираемая в данной работе теория является образцом классического эпистемологического релятивизма и, на первый взгляд, не привносит в это направление ничего нового. Однако авторы изучаемой концепции выносят ее за рамки классических философских категорий, считая своего рода средним путем между объективизмом и субъективизмом. В книге «METAPHORS We Live By» даже присутствует раздел, посвященный критике субъективизма. Чтобы не быть поспешными, нам хотелось бы проанализировать положения данного раздела и соотнести их с уже имеющимися данными о сущности эмпирической теории истины.

В своих рассуждениях Дж. Лакофф и М. Джонсон приходят к практически полному отождествлению субъективизма и искусства как деятельности, в основе которой лежит акт воображения. Критикуется же субъективизм лишь за то, что своим развитием (на примере романтического течения) усилил уже существовавшую «дихотомию между истиной и разумом, с одной стороны, и искусством и воображением – с другой» [2. С. 215], чем, по мысли авторов эмпирической теории истины, усилил позиции мифа объективизма. Соответственно, ни о какой содержательной критике субъективистской позиции речи не идет. Скорее, наоборот, чтобы защитить субъективизм, усилить его основания, авторы «METAPHORS We Live By» предлагают некоторый компромисс, равноправное сочетание компонентов субъективизма и объективизма. Квинтэссенцией данного компромисса должно стать понимание метафоры как воображаемой рациональности, объединяющей в рамках себя, казалось бы, несовместимое. Метафора категоризирует действительность в доступных для ее носителя понятиях, давая пусть и неточное и неполное, но все же истинное знание о мире.

Приведенные выше рассуждения в очередной раз напоминают нам о цели произведения «METAPHORS We Live By» – заявить о познавательных способностях метафоры, зафиксировать представление о ней как об адекватном средстве реализации познавательных процессов. Однако в погоне за «повышением статуса» метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон упустили из виду все прочие познавательные средства. Согласно их исследованиям, люди очень часто прибегают к познанию мира через метафорическую категоризацию. Очень часто, но далеко не всегда. И каким образом вписать в предложенную теорию истины прочие способы формирования нового знания – большой вопрос.

Помимо этого, эмпирическая теория истины имеет и другие недостатки:
Внутренняя несогласованность.

Наиболее ярким примером подобной несогласованности является способ работы с концептом понимания. Вот что пишут о нем Дж. Лакофф и

М. Джоносон в одном из разделов своей книги: «Поскольку истина основывается на понимании, а метафора является важнейшим средством понимания, мы думаем, что определение условий истинности метафор обнаружит зависимость истины от понимания» [2. С. 187]. Приведенная цитата является классическим кругом в доказательстве. С одной стороны, авторы эмпирической теории истины хотят доказать тезис о зависимости истины от понимания, а с другой – и без всяких доказательств верят в его истинность и используют в качестве посылки в системе доказательства. Подобное небрежное отношение к логике заставляет сомневаться в адекватности полученных авторами исследования выводов.

Использование понятий без прояснения их значения.

Самым туманным нам представляется введенное авторами «METAPHORS We Live By» понятие субъективного мира, существующего наравне с объективным. О чем идет речь, как названные миры согласуются друг с другом и, самое главное, как наличие субъективного мира согласуется с признанием верности постулатов онтологического реализма – открытые вопросы.

«Подгонка» значений терминов в связи с нуждами разрабатываемой теории.

Пытаясь обнаружить противостояние субъективизма и объективизма на социокультурном уровне, Дж. Лакофф и М. Джонсон практически отождествили данные философские течения с социальными институтами искусства и науки, что является очень грубым допущением, не имеющим достаточных оснований для своего существования.

Учитывая все вышесказанное, мы приходим к выводу, что последователям когнитивной теории метафоры стоит отказаться от разработанных ее основоположниками онтоэпистемологических оснований (эмпирической теории истины) и вписать созданную ими методологию анализа метафор в более согласованную и концептуально сильную гносеологическую парадигму.

Литература

1. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с. (Studia philologica).
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Платон. Диалоги / пер. В.Н. Карпова; под ред. Р.В. Светлова. М. : Азбука-Аттикус, 2015. 448 с.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М. : АСТ, 2019. 384 с. (Эксклюзивная классика).

Maria V. Petrenko, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: petrenkomariav@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 53. pp. 13–19.

DOI: 10.17223/1998863X/53/2

BASIS OF THE COGNITIVE THEORY OF METAPHOR: A CRITICAL ANALYSIS

Keywords: metaphor; theory of truth; ontological and epistemological basis; cognitive science.

In the book *Metaphors We Live By*, published in 1980, George Lakoff and Mark Johnson presented a view on the phenomenon of metaphor unique for that time. They suggested that metaphor is a basic category of human thinking, thus noticeably increasing the theoretical significance of metaphor for researchers engaged in linguistic-cognitive problems. With the theory of cognitive metaphor, which

also implicitly contains a method for analyzing information obtained by studying metaphors, the authors proposed their theory of truth, which they called experientialist. Lakoff and Johnson considered the provisions of this theory as the basis for the analysis of metaphors of natural language. And, despite the interest shown by many researchers in the methodological and conceptual components of the cognitive theory of metaphor, its ontological and epistemological foundations (experientialist theory of truth) remain practically unreflected. In this article, the author analyzes the content of the experientialist theory of truth, which was supposed to fix the status of full-fledged participants in the cognitive process for metaphors. Having studied in detail the specifics of the experientialist theory of truth, the author concluded that this theory is an example of classical epistemological relativism and does not bring anything new to this direction. Besides, it has several disadvantages that negatively distinguish it from analogs. Examples of such shortcomings are internal inconsistency, the use of specific concepts without clarifying their meanings, “fitting” the meaning of terms to the needs of the developed theory. Given all of the above, the author concluded that the followers of the cognitive theory of metaphor should abandon the ontological and epistemological foundations developed by its authors (experientialist theory of truth) and include the metaphor analysis methodology they created into a more consistent and conceptually strong epistemological paradigm.

References

1. Baranov, A.N. (2014) *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Lakoff, J. & Johnson, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS.
3. Plato. (2015) *Dialogi* [Dialogues]. Translated from Ancient Greek by V.N. Karpov. Moscow: Azbuka-Attikus.
4. Wittgenstein, L. (2019) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Studies]. Translated from German by L. Dobroselsky. Moscow: AST.